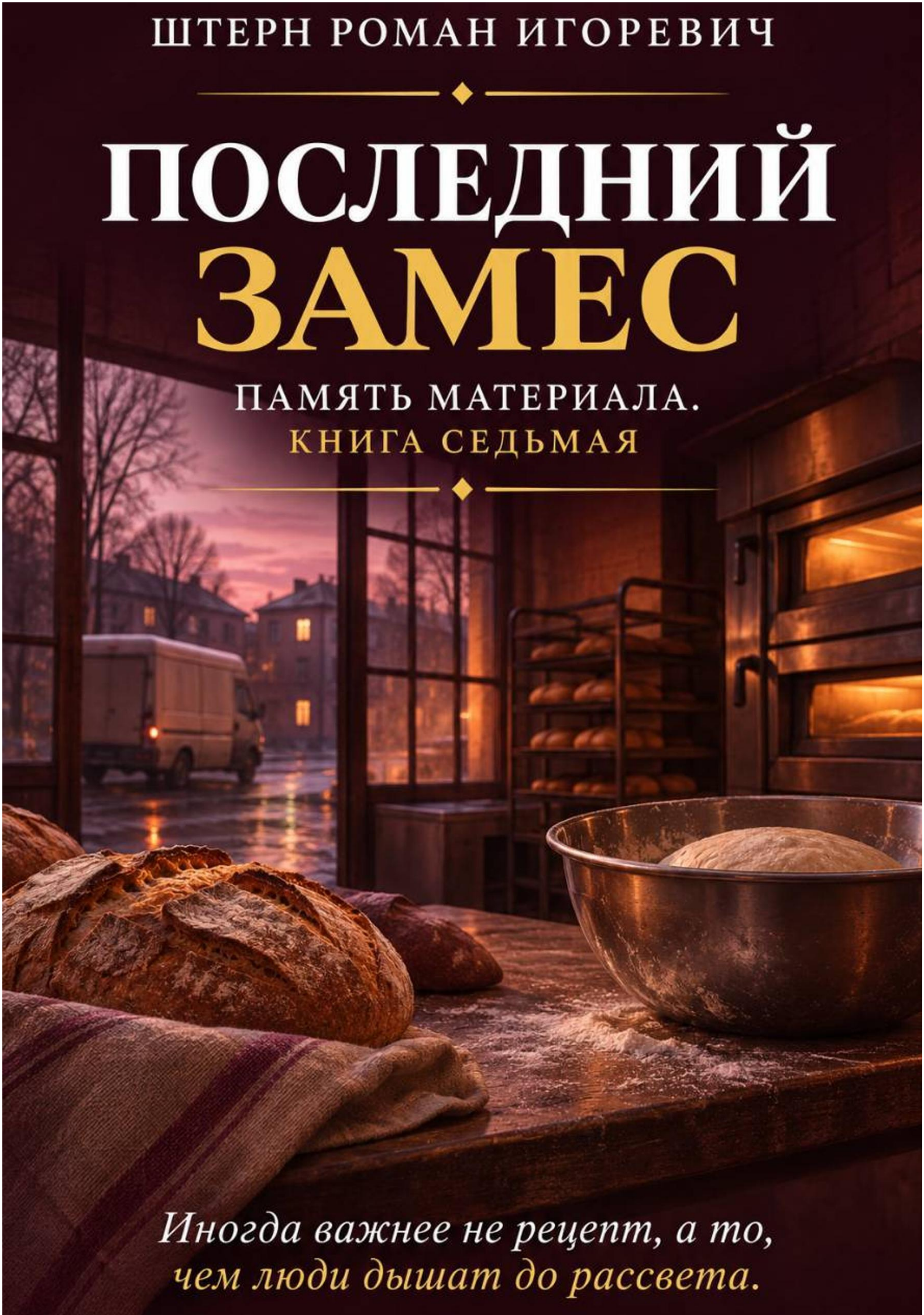
ШТЕРН РОМАН ИГОРЕВИЧ

ПОСЛЕДНИЙ ЗАМЕС

ПАМЯТЬ МАТЕРИАЛА.
КНИГА СЕДЬМАЯ

Иногда важнее не рецепт, а то,
чем люди дышат до рассвета.

Роман Штерн

Последний замес

«Автор»
2026

Штерн Р. И.

Последний замес / Р. И. Штерн — «Автор», 2026

Седьмая книга цикла «Память материала». На промышленной пекарне «Тёплый ряд» работники жалуются на приступы удушья. Хозяйка оплачивает обследования, сохраняет заработок и переводит заболевших на лёгкие должности. Но людям становится хуже. Врач Инга Мельникова и команда «Рабочей среды» восстанавливают историю смен, жалоб и повышений — и обнаруживают опасность там, где все видели заботу. Пока предприятие готовят к продаже, работникам предстоит решить, какой ценой они готовы оставаться среди своих. А в пустой расстоечной камере появляются странные углубления в муке.

© Штерн Р. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. До рассвета 6
Глава 2. Чистая должность 12
Глава 3. На время проверки 19
Глава 4. Раньше новой пачки 25
Глава 5. Место в городе 32
Глава 6. Та, которая ушла 38
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Роман Штерн
Последний замес

От автора

Книг много, и я благодарен Вам за то, что сегодня Вы открыли именно эту. Мне дорог Ваш интерес, даже если наше знакомство пока ограничивается несколькими строками. Приятного Вам чтения.

Глава 1. До рассвета

Водитель хлебного фургона показал Инге ладонь: подождите. Из ворот выкатывали высокую тележку, и одно её колесо всё время уходило вбок. Работница тянула за раму, второй человек придерживал лотки. Между ними и машиной оставалось ровно столько места, чтобы протиснуться без сумки.

Инга заглушила двигатель.

— Куда поставить?

— За синий, носом к забору. Только дверь нам оставьте.

Она переставила машину. На часах было без десяти четыре. За семьдесят километров от Екатеринбурга свет начинал проступать над низкими крышами, но во дворе ещё горели фонари. В их жёлтых кругах белели крошки на асфальте. Из открытых ворот шёл густой запах горячей корки, перебиваемый выхлопом и сыростью от вымытого пола.

На борту фургона было написано «Тёплый ряд». Под названием улыбался нарисованный пекарь, совершенно не похожий на людей, которые сейчас грузили хлеб.

— Мне ещё шесть, — сказал водитель в глубину ворот. — Шесть лотков, не хлебов. Я вас прошу.

Инга взяла медицинскую сумку и папку с предварительным обращением. Папку оставила в машине: у служебной двери уже ждали.

Мужчина в белой куртке, расстёгнутой у горла, спросил:

— Вы Мельникова? Зинаида Матвеевна сказала встретить.

— Да.

— Тогда сюда. У нас Вере плохо. Её вывели.

Он пошёл быстро, не оглядываясь. Инга догнала его у двери.

— Дышит? В сознании?

— Дышит, только тяжело. Сидит. Я скорую набирал, связь здесь…

— Наберите во дворе. Скажите: выраженная одышка. Адрес, вход, кто встретит.

Он остановился и достал телефон.

В предварительном разговоре Зинаида Рогова говорила о нескольких работниках: к концу ночи не хватает воздуха, кашляют, потом отлёживаются. Просила приехать к окончанию смены, пока люди не разошлись. Обещала оплатить обследования. Продажу контрольной доли упомянула сама — не хотела, чтобы Инга услышала о ней от других и решила, будто её пригласили успокоить покупателя.

До кабинета собственницы Инга не дошла.

За второй дверью, в небольшом помещении с окном на двор, женщина сидела на стуле, упираясь ладонями в колени. Рядом стояла её коллега с раскрытым пакетом. Женщина пыталась что-то сказать и не могла закончить фразу.

* * *

Инга поставила сумку на свободный стул и опустилась перед ней.

— Вера? Я врач. Инга Николаевна. Сейчас говорить много не надо.

Женщина кивнула. Плечи поднимались на каждом вдохе, на выдохе был слышен свист. На лбу у края шапочки выступили крупные капли пота. Она не пыталась откинуться на спинку — держалась чуть подавшись вперёд, словно на стуле было легче найти место для воздуха.

— Вера, боль в груди есть?

Та отрицательно качнула головой.

— Резко началось или постепенно?

— Сначала… кашель.

Инга расстегнула верхнюю кнопку её куртки.

— Так удобнее?

Вера кивнула снова. Коллега протянула пластиковый стакан воды.

— Не сейчас, — сказала Инга. — Поставьте рядом. Что она уже приняла?

— У неё свой баллончик. Два раза нажала. Потом ещё. Я не знаю сколько.

На столе лежал ингалятор. Инга посмотрела название, проверила, не пуст ли он, и придвинула к себе.

— Это врач назначил?

— Да, — выговорила Вера.

— Сегодня помогает?

Вера повела ладонью: немного.

Инга закрепила датчик пульсоксиметра на пальце, дождалась устойчивого показания. Частое дыхание, короткие обрывки речи, напряжённая шея; прибор показывал девяносто два процента. Она выслушала грудную клетку, не заставляя Веру делать глубокие вдохи. Воздух проходил с трудом, выдох был удлинён. Пульс частый.

Снаружи вернулся мужчина с телефоном.

— Приняли. Едут. Спрашивали, синеет ли.

— Сейчас явной синюшности нет. Она говорит отдельными словами, дыхание затруднено. Передайте, если ещё на связи. И останьтесь у ворот.

Он сразу ушёл. Коллега Веры убрала пакет с пола и отодвинула стол так, чтобы между стульями появился проход.

— Её, может, на воздух?

— Здесь уже не рабочая зона. Дверь во двор открыта. Ходить ей не нужно.

Инга спросила Веру о сильных аллергических реакциях на лекарства и прежних госпитализациях, получая ответы кивками. Дала продолжить применение назначенного средства через спейсер из своей сумки, помогая выдержать спокойный темп. Вера торопилась, пыталась вдохнуть всё сразу; Инга придержала её руку.

— Не спешим. Я рядом.

За дверью кто-то громко спросил, что случилось. Коллега вышла и прикрыла дверь, оставив щель для воздуха. Из коридора донеслось:

— Сказала же, врач с ней. Не стойте здесь.

Инга записала время, показание прибора и то, что было известно о лекарстве. Число прежних вдохов оставила со знаком вопроса. Уточнить это можно будет позже; сейчас Вера считала дыхания, а не дозы.

Вошла Зинаида Матвеевна. Невысокая, широкая в плечах, с коротко подстриженными седыми волосами под сеткой. На ней была такая же белая куртка, как у остальных, только в нагрудном кармане вместо пропуска торчали очки. В одной руке она несла женскую сумку, в другой — тёмный кардиган.

— Здравствуйте. Я Рогова.

Она не протянула руки и не стала расспрашивать Ингу. Поставила сумку возле Веры.

— Телефон здесь. Ключи в маленьком кармане. Вера, кому звонить?

Вера прикрыла глаза.

— Игорю… после шести.

— Хорошо. Сейчас не буду. Если понадобится раньше, скажешь.

Зинаида расправила кардиган на спинке свободного стула. Из сумки вынула очечник и положила сверху, чтобы не искать. Эти вещи она находила без помощи Веры, но телефон не открывала.

В дверях появилась женщина с листком.

— Матвеевна, на четвёртый замес кто подпишет? Там уже…

— Елена решит. Веру не трогайте.

— А дозировку она…

— Всё потом, — сказала Инга.

Зинаида повернулась к женщине:

— Слышала? Иди к Елене.

Вера подняла руку, пытаясь остановить её.

— Там… в журнале…

— Найдут, — сказала Зинаида. — Ты сейчас не объясняй.

Инга следила за дыханием. Вере стало чуть легче произносить слова, но облегчение было неполным: плечи оставались напряжёнными, пульс не замедлялся. Она то и дело смотрела на дверь. Когда из цеха донёсся лязг лотков, попыталась выпрямиться.

— Олег один… не успеет.

— Не один, — ответила Зинаида. — Уже не один.

Инга не знала, успели ли в действительности кого-то назначить. Но хозяйка не требовала от больной женщины ни подписи, ни последнего объяснения. Она стояла сбоку, не загораживая врача, и держала кардиган, который так и не понадобился.

— Это от новой смеси? — тихо спросила коллега, вернувшись с полисом Веры. — Девочки говорят, после неё…

— Сейчас не выясняем, — ответила Инга. — Сначала помощь.

Слова прозвучали жёстче, чем она собиралась. Коллега положила полис на стол.

— Я просто чтобы вы знали.

— Я услышала. Потом расскажете отдельно.

Во дворе хлопнула дверь машины. Мужчина в белой куртке провёл бригаду через служебный вход; за ним шёл ещё один работник, убирая с пути пустые лотки.

Инга передала состояние коротко: начало со слов Веры, выраженность одышки, исходное насыщение крови кислородом, пульс, услышанное при выслушивании, название препарата и помощь, оказанная после её приезда. Отдельно сказала, что точное количество применений до осмотра неизвестно.

— Раньше такое бывало? — спросил фельдшер.

— Бывало, — ответила Вера. Теперь она могла произнести это на одном выдохе. — Не так.

— В стационаре лежали?

— Нет.

Он попросил назвать фамилию, имя, отчество и дату рождения. Вере Лукиной было пятьдесят два. Пока сотрудница бригады готовила оборудование, Инга записала сообщённые данные на свой лист.

Начали ингаляционную терапию, подали кислород. Вера держала маску обеими руками. На несколько минут разговоры прекратились; слышно было, как работает небулайзер и как в соседнем помещении закрывают металлический шкаф.

Зинаида наклонилась к Инге:

— Она у нас теперь не на мешках. Старшая по рецептурной подготовке. Мы ей тяжёлое убрали.

— Давно?

— Весной перевели. Там весы, небольшие ёмкости. Подписи. Не таскает ничего.

Вера посмотрела на них поверх маски, но не вмешалась.

Инга ещё раз взглянула на запись времени. У неё не было ни описания этого поста, ни прежних обращений, ни основания связать сегодняшнее состояние с одной из операций. Был человек, которому не стало легче от того, что его должность считалась лёгкой.

После лечения дыхание несколько выровнялось. Вера опустила плечи, смогла отнять одну руку от маски.

— Я сама дойду.

— Повезём, — ответил фельдшер. — В машине продолжим наблюдение. Нужна больничная оценка.

Вера повернулась к Зинаиде.

— Я халат не сняла.

— В больнице снимешь. Чистая футболка в сумке.

— Она же домашняя.

— И что?

Вера закрыла глаза, словно на этот вопрос у неё уже не было сил.

Зинаида спросила, можно ли ей ехать следом, и куда именно повезут. Получив ответ, набрала водителя. Не просила отвезти Веру вместо скорой, не обсуждала цену. Когда носилки уже были в коридоре, принесла ещё маленький пакет с сухими носками.

— У неё обувь промокла, пока выводили. Пол мыли, — объяснила она.

Инга помогла вложить свой лист с наблюдениями к документам для передачи. Вера на мгновение взяла её за запястье.

— Вы там… посмотрите.

— Посмотрю.

— Не только стол. У нас…

Фельдшер остановился, давая ей договорить, но Вера махнула рукой и отпустила Ингу.

— Потом.

* * *

В комнате для еды чайник кипел под открытой форточкой. На столе стояли хлеб в пластиковом ящике, банка растворимого кофе и три кружки с разными ручками. В углу холодильник подрагивал от работы компрессора; на дверце висело расписание уборки, прикреплённое магнитом из чужого приморского города.

Инга вымыла руки. Вода была едва тёплой, зато мыло пахло резко, больнично. Она задержалась у раковины, смывая пену с большого пальца.

— Чай будете? — спросила Зинаида.

— Буду. Без сахара.

— Я тоже без сахара. А потом хлебом догоняю.

Она отрезала от буханки два неровных ломтя. Инга неожиданно поняла, что голодна. Дома в половине третьего выпила только кофе.

В комнату заглянул водитель.

— Я поехал.

— Сергей, ты ел?

— Потом.

— У тебя это потом до обеда. Возьми с собой. Сыр в холодильнике, верхняя полка, не контейнер.

— Матвеевна, я не чужой холодильник первый раз вижу.

— В контейнере лук.

Он открыл холодильник и, ничего больше не сказав, достал сыр.

Зинаида налила чай. Руки у неё были сухие, с короткими ногтями; на указательном пальце белел след старого пореза. Шестьдесят четыре года, вспомнила Инга из предварительного разговора. Тогда хозяйка назвала возраст, объясняя, почему начала продажу. «Не потому, что надоело. Просто я уже не могу каждую ночь быть здесь».

Этой ночью она была здесь.

— Я её довезу обратно, если отпустят, — сказала Зинаида.

— Домой.

— Конечно домой. Не сюда же.

Инга взяла кружку за ручку. За стеной всё ещё катились тележки, но уже реже; отгрузка подходила к концу.

— До уточнения состояния ей нужно исключить производственный контакт. Не пересадить к соседнему столу в том же помещении.

Зинаида отодвинула хлеб.

— Вы же ещё места не видели.

— Не видела. Поэтому не могу назвать безопасным ни это место, ни соседнее. После такого приступа возвращать её в цех нельзя.

— Я не прошу сегодня.

— И дату возвращения сейчас не назову.

Зинаида долго смотрела в свою кружку. Потом спросила:

— А что вы можете обещать?

Инга почувствовала, как легко было бы ответить: разберёмся и сохраним. Хозяйка не торговалась за вызов скорой, не прятала полис, не отправила Веру домой пешком. За первые полчаса она сделала всё, что нужно было сделать рядом с заболевшим человеком. Инге хотелось облегчить ей хотя бы этот разговор.

— Что мы не ограничимся названием должности, — сказала она. — И что обследование не будем задерживать, пока получаем документы.

— Я заплачу. За врачей, за дорогу. Это сразу говорю. Мне не нужна бумага, что у нас всё прекрасно.

— Тогда сначала согласуем объём помощи и работу каждого исполнителя.

— Согласуем. Только вы её не спишите. Она тесто видит, когда другие ещё на часы смотрят. У нас молодые всё по минутам, а мука каждый раз разная. Вера рукой тронет — уже знает.

— Я не решаю за неё, где ей дальше работать. Но обещать возвращение к прежнему контакту не могу.

Зинаида сжала губы.

— Вы всё время про контакт. Я про человека.

Инга поставила кружку.

— Я тоже про Веру.

Несколько секунд они молчали. Водитель аккуратно закрыл пакет с хлебом, поблагодарил и вышел. Зинаида проводила его взглядом, потом потянулась к телефону.

— Елена, зайди. Нет, Веру увезли. Лучше, чем было. Остальное потом.

Она положила телефон экраном вниз.

— Дочь у меня производство ведёт. Я хочу, чтобы и после продажи вела. Контрольную долю отдаём, не всё. Иначе сейчас никто не вкладывается.

— На обследование это не должно влиять.

— Я понимаю.

— Работники будут говорить с врачами отдельно. Мне нужны их согласия на получение прежних медицинских документов. Вам — рекомендации и положенные сведения, не вся история лечения.

— Мне не надо её карту читать.

Зинаида сказала это без обиды. Инга кивнула. Спорить с тем, чего женщина не требовала, не было смысла.

Вошла Елена с планшетом под мышкой. Она была выше матери, в светлой рабочей куртке с закатанными рукавами. Представилась, посмотрела на оставленную Ингой запись.

— Ближайший выход Веры убрала. По сегодняшнему заданию часть передали, две позиции пока ждут. Нужно решить, что с подготовкой на следующую ночь.

— Не ставьте её ни на подготовку, ни на подмену, — сказала Инга. — И на уборку участка тоже. Пока это первичная рекомендация после острого эпизода. Дальше лечащие врачи определят ограничения и оформят необходимые документы. Кадровое решение — по ним.

— Поняла.

— Заработок ей сохраните, — сказала Зинаида дочери.

Елена не сразу ответила.

— По сегодняшней смене оформим фактическое время и выезд. Дальше нужно основание. Больничный, перевод — что будет.

— Я не сказала её завтра перевести. Я сказала, чтобы без денег не сидела.

— Тогда дополнительную помощь оформляем отдельно.

Зинаида кивнула, хотя по её лицу было видно: прежде такие разговоры обходились без нескольких названий для одного желания.

Инга дописала время передачи бригаде и рекомендации. В производственную запись не переносила подробностей лечения. На осмотр пекарни она приехала одна; Павел должен был присоединиться позднее, к согласованному обходу. Теперь ему нужно было знать, что утро изменилось.

Она вышла в коридор и позвонила.

— Острый дыхательный эпизод. Работницу передали скорой. Приедешь — сначала реальные операции рецептурного поста.

— Что за пост?

— Старшая. Недавно перевели, тяжёлое убрали. Больше пока не знаю.

— Понял. Показ не устраиваем, сначала смотрим, что есть.

— Да. Софье я передам, что нужен новый этап поручения. Производство и медицинскую часть разделить.

— Она сегодня на связи после восьми. Я отмечу срочность договора, без фамилии пациентки.

Инга убрала телефон. Из-за двери комнаты для еды слышался голос Зинаиды: она уточняла, кто повезёт вещи в больницу и кто останется на отгрузке. Вера больше не участвовала в этих решениях, хотя ещё недавно пыталась продолжать работу через каждый недостающий вдох.

Елена вынесла лист ночного расписания к доске в коридоре. Возле фамилии Лукиной появилась отметка о прекращённой смене; дальше, напротив оставшихся заданий, она вписала замену. На следующую ночь фамилию Веры сняла, не заполняя освободившуюся строку.

Зинаида подошла с ключами.

— Пойдёмте. Покажу, где она теперь работает. Там у нас самое лёгкое место.

Инга взяла сумку. В коридоре уже пахло не горячим хлебом, а остывающей коркой. На доске осталась незаполненная строка.

Глава 2. Чистая должность

К приезду Павла Зинаида успела показать Инге раздевалку, умывальники и дверь рецептурной. Дальше её позвали к телефону: из больницы уточняли, кто привезёт Вере вещи. Обход она передала дочери, но перед уходом поправила на Инге ворот выданной куртки.

— Здесь открытым лучше не оставлять. Потом всё за шиворотом.

Павел застал их в проходе между складом и производством. На улице уже было светло; через узкое окно падала косая полоса солнца, в которой особенно отчётливо виднелись потёртости на полу.

— Доехал? — спросила Инга.

— Последние три километра за хлебом. В буквальном смысле.

Он убрал телефон, вымыл руки и надел приготовленную для него одежду. Инга сняла часы и положила в закрытый карман. Елена проверила, все ли волосы убраны под шапочки, и открыла дверь.

— Сначала пройдём по ходу продукта. К столу вернёмся с другой стороны. Иначе вы не поймёте, что откуда берётся.

Ей было тридцать семь — Зинаида успела сказать об этом в комнате для еды, добавив, что сама в её годы уже не спрашивала разрешения. Сейчас Елена разрешения не спрашивала. У двери остановила тележку, пропустила работницу с пустыми ёмкостями, затем провела Ингу и Павла вдоль стены, не занимая проход.

В мучном складе воздух казался прохладным после коридора. Мешки лежали на поддонах; на одном верхний угол был заклеен широкой лентой. Елена показала место приёмки и дальше — участок подготовки муки.

— Отсюда подают к просеиванию. В замес уходит через эту дверь.

— Ночью не всегда, — отозвался работник у пустого поддона.

Елена остановилась.

— Если две тележки у прохода, несёте через весовую?

— Не несём. Везём. Вчера перед вторым замесом опять через весовую. И позавчера.

Она посмотрела на стоявшую у стены тару.

— Эти здесь почему?

— Ждут мойки. Там занято.

Елена открыла запись на планшете, что-то внесла.

— Это временный обход, — сказала она Павлу.

— Вчера и позавчера — уже два раза. Запишу как бывает, а не как должно быть.

Работник кивнул и вернулся к поддону. Он не выглядел человеком, который только что разоблачил начальство. Просто сообщил, где ездит.

За следующей дверью стало громче. Тестомес работал с низким ровным усилием; поверх него слышался короткий звон металла. Работница у стола собирала тесто скребком, не отрывая глаз от поверхности. Елена дождалась, пока она закончит движение, и только потом спросила, прошла ли ночная партия контроль.

— Прошла. А малая ещё стоит.

Рядом с большой дежой ждала небольшая ёмкость с крышкой и карточкой. Её нельзя было просто присоединить к общему потоку: другой состав, отдельное время, своя тара. Инга заметила на доске три короткие строки между длинными рядами обычного выпуска.

— Здесь небольшие серии, — объяснила Елена. — Заказные. Оборудование то же, подготовка отдельная.

— Заказные не все, — сказала работница. — Ржаной с тмином у нас по средам и субботам берут постоянно. Если не будет, звонить будут вам.

Из-за стеллажа ответил мужчина:

— А отмывать после него мне. Тоже постоянно.

— Ты и после обычного моешь.

— После обычного один раз. Между этими ещё два. У нас хлеб маленький, а работа к нему взрослая.

Елена не стала их примирять.

— Вот поэтому я и прошу не ставить три малых подряд. Сначала нужно согласовать сетку.

— Вчера согласовали. Потом добавили.

Кто добавил, женщина не сказала. Елена закрыла планшет.

Дальше шли разделка и формование. Здесь движения были быстрыми, но не суетливыми: взять, повернуть, положить, отвести пустую тару. Один человек задержался с тележкой, и двое сразу изменили положение, освобождая ему дорогу. Никаких стрелок на полу для этих двух шагов не было.

У расстойки потянуло влажным теплом. Через стекло виднелись ряды заготовок, ещё бледных, будто не имевших отношения к хлебу в машинах во дворе. Елена назвала режим, взглянула на показания и спросила у работника, когда выкатят первую тележку. Он показал время на своём листе. Она сверила и пошла дальше.

Возле печей жар ударил в лицо. Инга почувствовала, как под курткой стало мокро между лопатками. Тележку с готовым хлебом выводили на охлаждение; работник держался за раму через рукавицы и заранее окликнул стоявшую спиной женщину. Та отошла, не оборачиваясь.

В зоне охлаждения сквозняк сразу остудил мокрый ворот. Хлеб стоял тесными рядами, но запах здесь был уже другим — сухим, с горечью подпёкшейся муки. За перегородкой считали лотки на отгрузку.

В отдельном от выпуска месте две женщины разбирали магазинные возвраты. Одна читала накладную, другая приподнимала упаковки и складывала их по видам.

— За вчера? — спросила Елена.

— Это позавчера привезли сегодня. По вчерашнему ещё машина не пришла.

В прозрачном пакете лежал круглый хлеб с тмином. Инга невольно посмотрела на него.

— Из той серии?

— Из неё, — ответила Елена.

— Четыре штуки, — сказала женщина с накладной. — Не вся серия. И магазин их поздно выставил, я звонила.

Елена взяла лист, посмотрела количество и вернула.

— Причину отдельно запишите. Списанное от этого не исчезает.

На обратном пути Инга спросила:

— Вера по всем этим помещениям ходит?

— По необходимости. Её место сейчас в рецептурной.

— Мне нужны и эти необходимости.

Елена придержала дверь плечом, пропуская Павла.

— Тогда одного должностного описания вам не хватит.

* * *

Рецептурный пост оказался меньше, чем Инга представляла. Стол из нержавеющей стали, весы, несколько лёгких ёмкостей, полка с крышками. На стене — листы в прозрачных карманах. Под столом стояла закрытая тара, а у его правого края — невысокая ёмкость с защёлками и внутренней наклейкой. На ней были название продукта в сокращении, номер партии и дата.

Мешков здесь действительно не было.

Мужчина, встретивший их у поста, вытер руки бумажным полотенцем и представился:

— Олег Мохов. Я на этой неделе за старшего.

— Покажите, что делаете, — начала Елена и тут же уточнила: — Пока словами.

Олег посмотрел на закрытую ёмкость.

— Открывать не буду?

— Не надо, — сказала Инга. — Сначала расскажите.

Он положил полотенце в ведро и указал на весы.

— Получаем по заданию. Муку сюда не всю, только что для подготовки нужно. Соль отдельно, сахар отдельно. Добавку вот здесь отвешиваем. Потом в малую ёмкость, крышку, номер замеса. Подпись моя. Если ошибся — подпись всё равно моя.

— Кто приносит добавку?

— Со склада выдают. Иногда сам забираю.

— В чём?

— Заводская упаковка. Здесь уже рабочая тара.

Павел встал сбоку, чтобы видеть стол целиком.

— Пересыпаете сюда где?

— Здесь же.

— Кто?

— Старший. Вера, я. Кто по смене стоит.

— А до рабочего места от склада как идёте? — спросила Инга.

Олег показал дверь за своей спиной.

— Если прямо свободно — прямо. Если нет, через весовую. Вам уже сказали, наверное.

Он чуть улыбнулся. Инга вспомнила просьбу Веры посмотреть не только стол. Пока она не знала, что именно та имела в виду, но маршрут уже не помещался в название должности.

Павел вынул блокнот.

— После отвешивания что происходит с ложкой?

— Совок это. Здесь остаётся.

— Открыто?

— Внутри. Крышку закрываю.

— Остатки с борта?

Олег провёл пальцем в воздухе над краем ёмкости, не касаясь её.

— Обычно сюда возвращаешь. Если рассыпалось — убираешь. Смотря сколько.

— Чем?

Он показал маленькую щётку на нижней полке, потом рулон салфеток.

— Мелкое щёткой. Стол в конце протираем.

Елена посмотрела на щётку, но ничего не сказала. Инга не стала спрашивать, разрешена ли она инструкцией: инструкции перед ними ещё не было.

— Лицо где оказывается, когда досыпаете до нужного веса? — спросил Павел.

Олег наклонил голову к дисплею, оставаясь на шаг от стола.

— Числа отсюда видно. Но последние граммы всё равно смотришь сверху. А то мимо попадёт, весы потом уверяют, что ты молодец, а в ёмкости недостача.

— Много раз за смену?

— По замесам. Бывает, сразу подготовишь. Бывает, меняют количество, идёшь ещё раз.

— За сегодняшнюю сможете назвать?

Олег потянулся к листам в карманах на стене, но остановился.

— Подготовленные посчитаю. Сколько раз открывал — точно не скажу.

— Так и оставим, — сказал Павел.

Он набросал несколько прямоугольников: склад, рабочая тара, весы, малая ёмкость. Между ними появились стрелки. У очистки он поставил вопросительный знак.

— У нас там маленькая навеска, — сказала Елена. — Не мешок, не целая загрузка. По времени коротко.

Инга посмотрела на весы. Их верхняя плоскость приходилась ниже груди Олега. Чтобы видеть край внутренней ёмкости, он действительно должен был склоняться к ней.

— По физической нагрузке разница большая, — сказала она. — По тому, что человек вдыхает, из этого пока ничего не следует.

Из коридора вошла Зинаида. В руках она держала пакет с Вериными вещами, перевязанный, чтобы не раскрылся.

— Передам водителю и вернусь. Вы уже посмотрели?

— Смотрим, — ответила Инга.

— Чисто ведь здесь. Она раньше к утру вся белая была.

Зинаида сказала это с облегчением, словно стол мог подтвердить её правоту лучше любого разговора. Инга видела, почему этому месту верили. Здесь не нужно было поднимать тяжёлое, идти к жару с полной тележкой, протискиваться между рамами. Можно было стоять у своих весов и отвечать за то, что умеешь.

— Когда следующая подготовка? — спросила она у Олега.

— Для двух позиций ещё нужно. Потом пересменка.

— Сейчас её не начинайте. Нам нужны заводская маркировка и документы по обращению с порошком. И полный порядок работы — включая пересыпание и уборку.

Зинаида посмотрела на дочь.

— Это всю рецептурную остановить?

— Сейчас речь об этой открытой подготовке, — сказал Павел. — Не об остальных весах и не обо всей пекарне.

— Мы уже Веру убрали, — произнесла Зинаида.

— Я прошу не ставить другого человека повторять операцию только потому, что Веры здесь нет, — ответила Инга. — Причину её состояния мы ещё выясняем. Но сначала нужно понять, с чем и как здесь работают.

Олег убрал руку от настенного листа.

Елена перелистнула расписание.

— Эти два замеса пока не готовим. Олег, никого на замену к добавке не ставьте. Я сменному передам сама. По остальному заданию сейчас уточню.

— По добавке понял.

Зинаида не возразила. Подняла пакет чуть выше.

— Тогда я вещи отправлю.

После её ухода Елена принесла из соседнего кабинета папку.

— Здесь последние измерения. Нам делали по пыли. Нарушений в заключении не было.

Павел положил папку на сухую полку, не на рабочий стол. Просмотрел титульный лист, номера протоколов, затем развернул схему точек.

— Копии можно?

— Можно. Только комплект целиком.

— Именно.

Он нашёл время отбора и подвинул лист к Елене.

— В этот день что здесь делали?

— Дневной выпуск. Я могу поднять сменный лист.

— Поднимите. Здесь точка у мучной подготовки и ещё одна в проходе. Сам весовой стол обозначен на схеме помещения, но отбора над этой операцией я не вижу.

— Он же рядом.

— Рядом — это расстояние. А нам нужны ещё время и действие.

Олег заглянул на лист.

— В половине одиннадцатого? Малые к тому времени уже уехали. Если это четверг, их ночью готовили.

— День подтвердим, — сказал Павел. — По памяти расписание не допишем.

Инга заметила, что Елена держит угол папки двумя пальцами, готовая забрать.

— Вы считаете, они неправильно измерили?

— Пока нет. Числа относятся к тем местам и условиям, которые записаны. Но отдельного ответа про короткое отвешивание здесь нет.

— Значит, у нас превышено или нет?

Павел повернулся к ней.

— По чему? В этих протоколах общая пыль. Что находится в добавке, мы пока не разобрали. Из массы всей пыли содержание конкретного компонента не получим.

Елена отпустила угол.

— Я запрошу документы у снабжения.

— И исходное задание на измерения, — добавил он. — Чтобы понимать, какой вопрос лаборатории ставили.

Инга провела взглядом по чистому столу. Теперь она замечала не его блеск, а расстояние от лица до открываемой крышки, щётку внизу, место, куда возвращали остатки. Всё это было здесь и раньше. Только разговор начинался с тяжести мешка и заканчивался ею.

— А хлеб-то? — спросил Олег.

— Что хлеб?

— Нам сейчас скажут всё с отгрузки снимать?

— У нас нет основания объявлять готовый хлеб опасным, — ответила Инга. — Мы разбираем профессиональный контакт при работе с порошком. Вопросы к продукции решаются по своим основаниям, не по виду этого стола и не по приступу одного человека.

Олег кивнул.

— А то водитель уже спросил, не везёт ли он что-нибудь не то.

Елена вышла передать распоряжение сменному. Павел ещё раз посмотрел на свою схему и дописал под очисткой: «Чем, когда, кто. Уточнить». Получилась карта нескольких действий, а не ответ о том, сколько кто вдохнул за ночь.

* * *

В старую расстоечную зону они прошли после того, как Елена вернулась. Основной поток шёл через новое оборудование; старую камеру использовали для части небольших партий. У её двери стояла снятая решётчатая вставка с короткими ножками. На металле сохранились матовые полосы от многократной мойки.

— Здесь тесно, — предупредила Елена. — Только с прохода.

Камера после очередного цикла была тёплой и пустой. Внизу виднелся неподвижный поддон с тонким мучным следом. Работник вынул вставку для мойки, поставил её на свободную стойку и взглянул внутрь.

— Опять последний замес принимает.

Павел поднял голову.

— Кто?

— Камера. Пустая, а вроде ещё кому-то место надо.

Он сказал это без улыбки, но и без страха, как говорят об оборудовании, которое давно получило привычку в человеческой речи.

Инга увидела на мучном следе несколько небольших углублений. Два были круглыми, одно вытянутым. Чуть дальше лежала тёмная влажная точка.

— Вы эти имеете в виду?

— Ну да. Старые так говорили. Я ещё учеником слышал.

— Когда заметили?

— Сейчас. А эти от ножек.

Он указал на два круглых следа и повернул снятую вставку так, чтобы были видны опоры. На нижней стороне одной белела мука.

— Она стояла здесь?

— Да. Сейчас убрал, при вас. Два задних конца на поддоне, передние на направляющей.

Елена наклонилась, не заходя внутрь.

— Вставка не должна так стоять.

— Её при выкатке сюда переставили. Я для мойки забрал.

Павел посмотрел на расположение опор. Два следа совпадали с ними по расстоянию и размеру. Третий оставался в стороне; работник не стал придумывать ему происхождение.

С верхнего края двери сорвалась капля и упала на порог. Инга отступила, чтобы не наступить на влажное место. Внутри пахло нагретым металлом и кислым тестом, которое уже увезли. Ничего не шевелилось.

— Последний — это ночной? — спросила она.

— Который все забыли записать, — ответил работник. — Так мне говорили. А у нас теперь всё в программе, забывать дороже.

— В программе тоже сначала человек записывает, — заметила Елена.

— Вот поэтому камера ещё нужна.

Он поднял вставку и понёс к мойке. Елена пропустила его, потом закрыла дверь камеры. Инга запомнила выражение. Для него здесь хватало обычных причин: ночная усталость, лишняя ёмкость, которую приходится переставлять, работа после того, как остальные считают смену законченной.

Возле технологического кабинета их догнала Зинаида.

— Вещи отправила. Вера телефон взяла, зарядка там. Обещали позже сообщить, как она.

Она не стала пересказывать то, чего ей ещё не сказали. Инга была ей за это благодарна.

На стене кабинета висел план помещений. Елена взяла карандаш, но отметки делала на отдельной копии.

— После сделки этот поток предполагается сохранить. Здесь нужно менять подготовку, здесь — охлаждение. Старую камеру, скорее всего, выводить. Но это зависит от ассортимента.

— Ещё не решили, — сказала Зинаида.

— Поэтому я и говорю «зависит».

Павел поставил папку на стул. Елена достала из-под плана лист с предварительным перечнем расходов. Суммы она закрыла другой страницей; Инге они сейчас не требовались.

— Они покупают контрольную долю в обществе, — пояснила Елена. — Не вывозят всё оборудование завтра утром. Предприятие продолжает работать. Но оценка сделана под определённый выпуск. Уберём часть позиций — будет другой расчёт.

— И вложения другие, — добавил Павел.

— Да. В предварительном варианте это разнесено. Что остаётся в производстве, что требует замены, какие расходы до запуска изменений.

Зинаида посмотрела на план.

— Под каждую позицию люди есть. Не только оборудование.

— Я знаю, мама.

— Вера эти серии двадцать лет ведёт. Олег тоже не с улицы пришёл. Нельзя сейчас решить, что они не нужны, потому что у кого-то в таблице мало получается.

Елена положила карандаш.

— Люди нужны. Но нельзя каждую ночь заново решать, что мы выпускаем, кто переделывает подготовку и кто потом остаётся мыть. Я должна знать, чем управляю.

Зинаида отвернулась к окну. Во дворе закрывали заднюю дверь последнего фургона. Некоторое время все слушали, как водитель проверяет замок, дёргая за ручку.

Инге хотелось сказать хозяйке, что никто не собирается бросать её людей. Фраза была бы приятной и почти ничего не стоила бы тому, кто произнёс её сейчас.

Вместо этого она спросила:

— Кто принесёт заводскую маркировку добавки?

— Снабжение, — ответила Елена. — Упаковку найдут на складе. Документы подниму у себя.

— До продолжения подготовки нам нужны этикетка, инструкция по обращению и описание всех действий. Не только отвешивания. Пополнение тары, перенос, остатки, очистка.

— Пауза действует. Сменный подтвердил.

Зинаида повернулась.

— Сегодня решим?

— Сегодня разберём то, что получим. Обещать вывод до документов я не могу.

Она кивнула не сразу, затем спросила дочь, кто остался без завтрака.

Когда они снова прошли мимо рецептурной, Олег уже убрал с весов пустую мерную тару. Лист двух ожидающих замесов лежал отдельно. Невысокая ёмкость оставалась на прежнем месте, обе защёлки были закрыты.

На её внутренней наклейке помещались дата и сокращённое название. Для работы этого до сих пор хватало. Полную этикетку ещё не принесли.

Глава 3. На время проверки

Этикетку принесли на экране телефона. Сотрудница снабжения держала его за края, чтобы не закрыть пальцем нижнюю строку.

— Упаковка на складе. Я решила сюда не тащить.

— Правильно, — сказал Павел. — Это та партия, из которой наполняли рабочую тару?

— Номер тот же. По выдаче сейчас проверю.

Она увеличила снимок. Название распалось на крупные буквы, предупреждение ушло за край экрана. Елена попросила отправить исходную фотографию и открыла на компьютере папку поставщика. Принтер под столом зашумел; первый лист вышел с загнутым углом.

В кабинете стало жарко. Инга расстегнула ворот рабочей куртки, но снимать её не стала: из производственного коридора то и дело входили люди. На столе возле клавиатуры лежала половина яблока с подсохшим срезом. Елена передвинула её на блюдце, освобождая место.

В описании улучшителя перечислялись носитель и ферментные компоненты. Инга задержалась на строке об альфа-амилазе, затем перевернула лист. В разделе о воздействии при вдыхании было предупреждение о возможности аллергической реакции и астматических симптомов.

— Это к нынешнему продукту? — спросила она.

— Да. Документ пришёл с этой поставкой, — ответила Елена. — Здесь дата редакции. Переписку тоже сохраню.

— По прежним поставкам отдельно запросим.

Зинаида взяла второй экземпляр. Прочла предупреждение, вернулась к лицевой стороне.

— Для пищи разрешён, а дышать нельзя?

— Это разные пути воздействия, — сказала Инга. — Мы сейчас разбираем работу с сухим порошком. Из этого листа не следует, что готовый хлеб опасен покупателям.

— А Вера от него задыхается?

— Пока этого не установили.

— Но остановить хотите из-за него.

— Открытую подготовку — да. Есть опасность, указанная самим поставщиком, есть ручное пересыпание и уборка щёткой, есть дыхательные жалобы. Этого достаточно, чтобы прекратить контакт на время проверки. Для диагноза Вере нужны другие данные.

Зинаида положила лист. Не отодвинула, но ладонь оставила на предупреждении, словно придерживала его от сквозняка.

— У нас ведь не каждый туда подходит. Старшие. Они знают, как с этим работать. Может, пока оставить одному опытному? Без подмен, без этих переходов через весовую.

Павел повернул к ней сделанный во время обхода рисунок.

— Вот заводская упаковка. Вот рабочая ёмкость. А здесь человек стоит, когда пересыпает. Мы пока даже не восстановили, сколько таких действий приходится на ночь.

— Навески маленькие.

— Меньше носить — действительно легче. Но лицо остаётся возле открытого порошка. При пересыпании и при очистке. Опыт поможет не рассыпать целую пачку, но не удержит всё, что попало в воздух.

— Если медленно?

— На аккуратность нельзя возложить всю защиту.

Елена стояла у принтера, подбирая листы. На слове «аккуратность» она посмотрела на мать, но ничего не добавила.

Инга знала это движение разговора: тяжесть убрана, работник опытный, стол чистый — значит, опасность должна оказаться небольшой. Ей самой хотелось, чтобы здесь хватило про-

стой поправки. Зинаида за это утро успела накормить водителя, отправить Вере вещи и заметить, что у Инги мокрый рукав. Теперь надо было попросить её отменить работу, которую она считала доказательством своей заботы.

— Самого опытного тоже нельзя оставлять под этим воздействием только потому, что он умеет работать лучше остальных, — сказала Инга. — И заменять Веру им не нужно.

В дверь постучали. Сотрудница снабжения вернулась с листом выдачи.

— Партия совпала. На складе ещё закрытые упаковки есть. Что с ними?

Елена посмотрела на мать.

— Не выдавать до отдельного решения, — сказала Зинаида. — Только напишите точно. А то сейчас запретят всю подготовку, потом будем выяснять, кто что понял.

Елена села за компьютер. В проекте распоряжения появились название продукта, номер партии, рецептурный пост. Павел попросил включить не только отвешивание, но и пополнение рабочей тары, пересыпание остатков.

— И очистку? — спросила Елена.

— Прежним способом не проводить. Без щётки и без продувки. Нельзя остановить пересыпание, а потом поднять остатки при уборке.

— Оставить грязным?

— Ограничить доступ и организовать очистку отдельно, подготовленными людьми и подходящим способом. До неё нужно согласовать, что сохраняем для обследования. Самим брать пробы в банку не будем.

Инга добавила:

— Людей с дыхательными жалобами на эту очистку не ставить. Веру — тем более.

Зинаида подняла глаза.

— Её вообще здесь сегодня нет.

— Чтобы не предложили ей это после больницы как лёгкую работу.

На этот раз хозяйка не ответила сразу. В коридоре покатили тележку; пустые лотки дребезжали на каждом стыке пола.

— Хорошо, — сказала она. — Впишите.

Елена распечатала распоряжение. Зинаида прочла его целиком, уточнила у дочери, кто отвечает за следующую смену, и подписала. Инга рядом подписи не ставила. Её запись с основаниями рекомендации шла отдельным листом.

* * *

На доске возле рецептурной Елена сняла лист двух ожидающих замесов. До этого он лежал отдельно, но всё ещё оставался заданием, которое можно было выполнить позже. Теперь она перечеркнула строки и поставила время отмены.

Олег подошёл с пустой мерной тарой.

— Значит, совсем убираем?

— Из ближайшего выпуска — да. Дальше сообщу отдельно.

— А людям куда?

— Сейчас перераспределим то, что можно делать. К порошку никого не ставим.

— Я не про порошок. У меня двое на эти серии выходят. В общей выпечке своих хватает.

Из-за его плеча заглянула работница, которую Инга видела у охлаждения.

— Если нас сейчас домой, это как считать будут? У меня доплата за малые.

Зинаида остановилась у доски.

— Никто вас без денег не оставляет.

— За сегодня или вообще? — спросила женщина.

Хозяйка нахмурилась, но та не отвела глаз.

— Я не спорю, Зинаида Матвеевна. Мне в пятницу платить. Я должна знать, сколько будет.

Елена опустила лист на подоконник.

— За уже выполненное считаем всё. Остаток сегодняшнего времени и следующие выходы оформим по фактическому решению. Доплату за отменённые серии я сейчас обещать не могу. До конца дня дадим расчёт и расписание, каждому своё.

— До конца дня я спать буду.

— Отправим письменно. Перед следующим выходом не придётся ловить меня у печи.

Женщина помолчала.

— Тогда не звоните. Сообщение.

Елена записала возле фамилии способ связи. Зинаида смотрела на её ручку так, будто та мешала быстро закончить разговор, но не вмешивалась.

— А «на время проверки» — это сколько? — спросил Олег. — У нас холодильник на время ремонта три месяца стоял. Потом его списали вместе с надписью.

— Дату ответа по первому этапу назовём сегодня, — сказала Инга. — Дату возвращения этой операции сейчас назвать нельзя.

— То есть можно и не вернуть.

— Прежним способом — можно и не вернуть.

Он переставил тару с одной руки на другую.

— Понятно. Только нам потом не говорите, что мы сами не захотели серии делать.

— Такого основания нет, — ответила Елена. — Их снимаю я по распоряжению. Это будет в сменном задании.

Олег кивнул, ещё раз посмотрел на перечёркнутые строки и отнёс тару на свободную полку. Затем сам убрал со стола щётку.

— Эту куда?

— Пока не переносите, — остановил его Павел. — На ней могут быть остатки. Оставьте в пределах поста, до согласованной упаковки и очистки.

Олег положил щётку обратно, не встряхивая.

— Всё, понял.

Проход через весовую закрыли для обычного движения. Елена указала другой путь и велела убрать тележку, из-за которой люди срезали через рецептурную. Замок на шкафу с добавкой оказался исправен; сотрудница снабжения принесла ключ. Доступ к рабочему посту ограничили, остатки оставили в закрытой таре. На наклейках указали содержимое, дату и ответственных, зафиксировали состояние упаковок. Пробы сегодня не отбирали.

Из кабинета отгрузки позвали Елену. Она вернулась через несколько минут уже с телефоном у уха.

— Нет, другим хлебом эти позиции без согласования не закроем… Понимаю, у вас заказ стоит. Мы сейчас уменьшаем поставку… Да, письмо отправлю.

Она выслушала ответ, прижав телефон плечом, и нашла ручку в кармане.

— По двум точкам принимают сокращение. По третьей будут смотреть договор. Там отдельная выкладка под эту серию.

Зинаида спросила, сколько останется невыполненного. Елена назвала количество. Мать повторила его тише, проверяя в уме, потом отвернулась к доске.

В технологический кабинет принесли папку кадровых документов. В ней были приказы о переводах Веры Лукиной и Олега Мохова, приложения с обязанностями и относящиеся к ним расчёты. Посторонние персональные сведения закрыли до передачи. Медицинских записей в папке не было.

Инга прочла про освобождение от прежней части работы и обязанности старшего по рецептурной подготовке. Приказ Веры был весенним. В расчётах за сопоставимые отработанные месяцы не обнаружилось того падения дохода, которого можно было ожидать при снятии тяжёлых заданий: сохранение заработка не осталось устным обещанием.

— Это не только оклад, — пояснила Елена. — Вот доплата. Фактические выплаты здесь, рядом с начислением.

Инга сверила обозначения, не пытаясь из суммы вывести число отвешиваний.

На полях должностного описания она отметила вопрос об очистке. Олег говорил о щётке как о своей обычной работе; в перечне обязанностей эта часть помещалась в короткое «содержание рабочего места».

Даты переводов теперь были. Дат первых жалоб у неё ещё не было.

* * *

К связи с Софьей они сели в комнате для еды: в технологическом кабинете пришлось разбирать изменённый выпуск. Зинаида поставила перед Павлом тарелку, потом отодвинула её от ноутбука.

— Сначала съешьте. Она пока подключится.

— Уже подключилась, — сказала Софья из динамика. — Я могу подождать, пока человек поест.

Павел поднял вилку.

— Наконец-то юридическая поддержка по существу.

Зинаида улыбнулась впервые после распоряжения и села у края стола. Инга поймала себя на том, что тоже улыбается. Утро не стало от этого легче, но голоса перестали звучать так, будто каждый следующий вопрос будет последним.

Софья вывела на экран проект поручения. На первой странице стоял ограниченный первоначальный этап: обследование реальных операций, сбор производственных материалов, подготовка дальнейших профильных исследований. Медицинская часть имела отдельный порядок взаимодействия с исполнителями.

— Я просила обследовать людей, — сказала Зинаида. — Здесь половина про технологию.

— Без неё врачи не узнают, с чем люди действительно работают, — ответила Инга. — Но производственный отчёт не заменит приём пульмонолога и аллерголога.

— Вы же профпатолог.

— Да. И я участвую в медицинской оценке. Окончательную связь заболевания с профессией устанавливают в предусмотренном порядке. После сегодняшнего обхода я её не подпишу.

Зинаида потянула к себе распечатку.

— Мне не нужна быстрая подпись. Мне нужно, чтобы они попали к врачу, а не сидели по очередям до осени.

— Тогда в оплате закрепляем согласованный объём помощи и организацию записей, — сказала Софья. — Не список результатов, которые вы хотите получить.

— Я никаких результатов не заказывала.

— Поэтому и предлагаю оставить это прямо в тексте.

Хозяйка прочла пункт ещё раз и поставила рядом галочку.

Дальше возник вопрос об отчётности. Зинаида хотела знать, кто из приглашённых дошёл до обследования: иначе, по её словам, можно было оплатить помощь, а люди снова отложат её до выходного.

— Кто организует приём, тот и проверяет, что запись состоялась, — сказала Инга. — С каждым человеком согласуют связь и передачу необходимых сведений. Вам для расчётов не нужны результаты анализов и подробности лечения.

— А если ограничения будут?

— Необходимое заключение получите. Обязательные уведомления тоже пойдут своим порядком. Но не всю карту.

— Я уже говорила, что карта мне не нужна.

Софья подняла глаза от документа.

— Тогда убираем из вашего проекта «полные результаты обследований по запросу заказчика». Эта фраза даёт больше, чем вы сейчас просите.

Зинаида повернулась к Елене. Та просмотрела строку.

— Это из шаблона медицинского договора. Убирайте.

Павел закончил есть и открыл смету. Часть работ в ней была отнесена к профильной лаборатории; возле неё пока стоял предварительный объём.

— А ваш прибор не покажет? — спросила хозяйка.

— Он может ответить на свои вопросы. Сколько конкретного ферментного материала в образце, по общей пыли я не определю. Эту часть берёт другой исполнитель. Метод и объём сначала согласуем, затем отбор.

— То есть ещё один договор?

— Либо прямой, либо отдельно обозначенный исполнитель в нашем этапе. Но расходы должны быть видны. Не будем обещать анализ, которого сами не делаем.

Зинаида некоторое время смотрела на итог.

— Деньги на первый этап есть. Давайте только без того, что через неделю выяснится: вы посмотрели, а теперь начинается настоящая работа.

— Именно поэтому здесь перечислено, что получим за этот этап и чего в нём не будет, — сказала Софья. — Дальнейшие расходы согласуются отдельно. Отказ оплачивать следующий этап не меняет уже сделанных выводов.

Елена взяла свой экземпляр. В нём было условие о передаче производственного отчёта без предварительного одобрения его содержания заказчиком. Предприятие могло указать фактические ошибки и представить возражения; они сохранялись вместе с ответами команды.

— По сроку замечаний успеем, — сказала она. — Но мне нужны будут ссылки на материалы.

— Они будут, — ответил Павел. — Исходные записи сохраняем. Существенные правки — с объяснением. Профильную часть до выдачи смотрит второй специалист.

— Ваш?

— Независимый от подготовки этой части. Для Ингиных заключений исключения тоже нет.

Инга кивнула, не добавляя ничего. Это давно перестало быть обещанием, которое она могла давать от себя.

У Зинаиды зазвонил телефон. Она прочла сообщение и встала: требовалось подтвердить изменение поставки. Елена ушла вместе с ней, забрав проект на окончательную проверку реквизитов.

Софья дождалась, пока дверь закроется.

— Ещё Лариса написала. Хочет оценить вакансию в городской экспедиции. Сама просит, не Рогова за неё.

Инга вспомнила Ларисину папку с разными описаниями одного короткого рабочего дня.

— Пусть сначала пришлют всю задачу.

— Она это и запросила. Предлагают учёт возвратной тары и документов, в отдельном помещении. Пока описание короткое.

— В наш договор с пекарней её не включаем, — сказала Инга.

— Уже разделила. Здесь производственное обследование. Там личное поручение Ларисы и отдельно согласуемая оценка конкретного места. Июньский этап закончен, новых работ за его счёт нет.

— Медицинские сведения?

— Ничего работодателю не передано. Обсудите с ней нужный объём.

Павел отнёс тарелку к мойке. Инга открыла сообщение Ларисы. В нём не было просьбы найти ей хороших людей. Был вопрос: смогут ли посмотреть не только стол, но и то, что придётся делать, когда приходит много возвратов.

Инга ответила, что время и объём осмотра согласуют с ней. Никакого решения о работе в ответ не вписала.

К полудню договор подписали. Софья проверила приложения, бухгалтерия приняла счёт первого этапа; подтверждения поступления денег ещё не было. Организация медицинских посещений шла отдельным каналом, с личными согласиями. Производственный комплект остался у команды в своём разделе.

Перед отъездом Инга прошла мимо рецептурной. На закрытой таре была новая наклейка, поперёк края — контрольная лента. Олег стоял снаружи ограждённого поста и читал изменённое задание. Увидев Елену, спросил, куда передать освободившиеся чистые ёмкости.

В папке у Инги лежал его приказ о повышении. Под ним — приказ Веры и расчёты, подтверждавшие сохранённый заработок. Она убрала папку в сумку. На весовом столе больше ничего не готовили.

Глава 4. Раньше новой пачки

— Эту тоже смотреть? — спросила Вера.

Она держала сложенный вчетверо лист. На сгибе бумага протёрлась почти до дырки; изнутри просвечивали синие цифры.

Инга пододвинула свободный край стола.

— Что там?

— Дыхание проверяли. Зимой ещё. Сказали, ничего особенного.

В больничной комнате для бесед было прохладнее, чем в коридоре. Окно выходило на хозяйственный двор; под ним работник складывал пустые ящики, каждый раз поворачивая их, чтобы ножки вошли в пазы. Вера села боком к столу. Вместо рабочей куртки на ней была широкая футболка, на запястье оставался больничный браслет. Без шапочки волосы казались неожиданно светлыми.

Со дня приступа прошло двое суток. Вера уже могла говорить целыми фразами, но после дороги из палаты остановилась у стула и некоторое время не садилась, опираясь на спинку. Инга дождалась, пока она сама достанет бумаги. Встречу согласовали с лечащим врачом; обследования и назначения ради неё не переносили.

— Это я дома в ящике нашла. Попросила привезти, — сказала Вера. — Может, не надо было. Здесь же новые сделают.

— Старые тоже нужны.

Вера разгладила лист. В январском заключении спирометрии выраженного нарушения бронхиальной проходимости не отмечалось. Рядом лежала выписка из амбулаторной карты, полученная по её согласию: кашель, эпизоды свистящего дыхания, затруднённый выдох ночью. Обращение было датировано концом января.

— Вы мне вчера про последнее время рассказывали, — сказала Инга. — А тогда что беспокоило?

— Кашляла. Думала, простыла. После Нового года у нас половина кашляла.

— Температура была?

— Не помню. Чтобы лежать — нет.

— Ночью просыпались?

Вера потёрла сгиб бумаги.

— Иногда. Но не как сейчас.

— Что значит «не как сейчас»?

— Сядешь, подождёшь. Потом можно лечь. А в последний месяц уже заранее подушку повыше клала.

За стеной загремела тележка. Вера повернула голову на звук и усмехнулась.

— Здесь тоже всё на колёсах. Только тише не получается.

Инга записала её слова без перевода в готовый диагноз.

— Чем пользовались в январе?

Вера назвала лекарство, потом достала телефон и открыла фотографию коробки.

— Вот этим. Назначили на приёме. Я сначала каждый день, потом решила: раз прошло…

— Когда перестали?

— Точно не скажу. До следующей покупки не дошло.

Они восстановили то, что удавалось: назначения по выписке, покупки по сохранившимся сообщениям, остальное — со слов Веры. Инга спросила о курении, домашних животных, ремонте, сырости, лекарствах от других болезней. Вера отвечала всё короче, наконец подняла глаза.

— Вы теперь будете искать, чем я дома надышалась?

Инга отложила ручку.

— Дома тоже спрашиваю. И про прежнюю работу спрошу. Иначе мы выберем причину раньше обследования.

— У меня дома не цех.

— Я понимаю.

— Нет, вы не понимаете. Я сама хочу знать. Только не чтобы вышло: хозяйка всё сделала, а я где-то ещё заболела.

Вера произнесла это сердито, но последнюю фразу сказала почти шёпотом. Инге вспомнилось, как Зинаида собирала ей телефон и зарядку, как переспросила, не положили ли вместо нужных тапок старые. Легко было сейчас ответить, что никто не собирается обвинять ни Веру, ни хозяйку. Но Вера спрашивала не об обвинении.

— Помощь Зинаиды Матвеевны я вижу, — сказала Инга. — Причину ваших приступов по ней не определяю.

Вера посмотрела на неё, затем снова взяла телефон.

— Ремонта не было. Кошка у соседки, ко мне не ходит. На работе хуже к утру. Но бывает, после смены лягу — и дома начинается.

— В выходные?

— По-разному. Первый день отсыпаюсь. На второй легче. Не всегда.

Длительного недавнего перерыва в работе у Веры не было. Вспомнить состояние в прошлый отпуск она могла лишь в общих словах: ходили пешком, останавливалась на подъёме, ингалятор брала, сколько раз пользовалась — не помнила. Инга не стала делать из этого спокойную неделю без симптомов.

Вера ткнула пальцем в январский лист.

— А если тут всё нормально, значит, это ещё не оно было?

— По одному исследованию так не скажешь. Между приступами показатели могут быть обычными. Но и любой кашель нельзя задним числом назвать астмой.

— Сейчас-то вы её подозреваете?

— Да. Дальше нужно сопоставить исследования, течение болезни, ответ на лечение. Пульмонолог посмотрит весь комплект.

Вера откинулась на спинку. В коридоре позвали кого-то на процедуру; она на секунду прислушалась, не её ли фамилия.

— У нас все на новую пачку думают, — сказала она. — Раньше другая была. Эту привезли весной, с тех пор и пошло.

— С тех пор стало хуже?

— Да.

— А январское обращение было раньше.

Вера помолчала.

— Было.

— Это важно. Пока больше ничего из этой даты не следует.

Она попросила копировать зимний лист, но оригинал оставить ей. Инга отметила согласованный объём и вернула бумагу. Вера сложила её по старым линиям, осторожно, чтобы не разорвать середину.

— Зинаида звонила. Говорит, довезёт меня потом, когда выпишут. Я сказала, не надо пока время назначать.

— Правильно. Выписки ещё нет.

— Она всё равно суп привезла. Я половину съела.

В голосе Веры впервые появилось что-то кроме усталости и настороженности.

— Остальной в холодильник убрали?

— Убрали. Тут за мой суп уже три человека отвечают.

* * *

Лечащий врач встретилась с Ингой после обхода. Вера разрешила обсудить с ней материалы; хозяйки пекарни среди адресатов не было.

— Январский протокол получила, — сказала врач, открывая файл. — Качество манёвров надо посмотреть. По короткому заключению не восстановим.

— Запрос на исходные кривые согласован. И на прежние обращения.

Они обсудили дальнейшую оценку с пульмонологом, уточнение аллергологического анамнеза и обследование после стабилизации состояния. Инга показала сведения о работе с порошковой добавкой. Состав текущего продукта был известен из документов поставщика; по прежнему ещё ждали ответ.

— Это направление проверки есть, — сказала врач. — Но результаты по отдельному аллергену сами по себе нам всю причинность не установят.

— Не установят. И возвращать её на пост для сравнения не будем.

Врач кивнула.

— Лечение продолжаем. Пусть не решит, что перед следующим исследованием надо самой всё убрать, чтобы лучше было видно.

— Я ей повторю.

У двери Инга дополнила запрос: нужны не только итоговые формулировки, но и доступные первичные результаты. В рабочей хронологии появились две разные строки — прежние дыхательные жалобы и нынешнее тяжёлое обострение. Между ними оставались месяцы, которые ещё предстояло восстановить.

Вера догнала её у выхода из отделения, уже без папки.

— Я забыла спросить. Мне дома записывать, когда тяжело?

— Да, если можете. Время, что делали, чем пользовались и помогло ли. Не терпеть ради записи. Если снова станет трудно дышать — действовать по плану врача, при тяжёлом приступе вызывать помощь.

— Я поняла. Не отчёт перед хозяйкой.

— Для вас и лечащих врачей.

Вера вернулась в палату. Инга пошла к лестнице. На телефоне было сообщение от Павла: для Дамира нашли отдельную комнату, начало беседы он подтвердил сам. Следом — фотография производственного календаря с датой первой выдачи продукта под нынешним названием. Март. Январская запись Веры теперь имела внешний ориентир, не зависевший от того, когда она запомнила цвет упаковки.

* * *

Дамир Садыков пришёл на встречу в чистой футболке, с мокрыми волосами у висков. Он поставил на стол бутылку воды и остался стоять.

— Вы только про добавку будете?

— Нет. Садитесь.

— Нам уже говорят: пачку убрали, можно спокойно работать.

— Кто говорит?

— Между собой. Не приказ. Я вам не жалобу на человека принёс.

— Тогда начнём с вашей работы.

Комнату выделили в административной части пекарни. Дверь закрывалась, через неё не ходили за ключами и накладными. Снаружи двигали мебель; ножка стола вздрагивала всякий раз, когда что-то тяжёлое опускали на пол.

Дамир сел, но к спинке не прислонился.

— Я этот улучшитель не взвешивал. Ни разу. И что теперь, у меня другая пекарня в лёгких?

— У вас своя история. Расскажите смену по порядку.

— Муку принимаю в работу. К просеивателю подаю, потом к замесу. Тестовод я.

— Мешки вскрываете сами?

— Когда мешковая идёт — сам. Бывает, уже открыто. Это вам Павел Андреевич на месте посмотрит.

— Посмотрит. Сейчас мне нужно понять ваши действия.

Он начал быстро, словно перечислял то, что очевидно любому человеку, бывавшему ночью в цехе. Инга останавливала его короткими вопросами: где стоит во время подачи, кто убирает остатки, куда идёт между замесами, заходит ли к рецептурным весам. Выяснилось, что через весовую он иногда проводил тележку, но добавку не готовил и к столу для отвешивания не вставал. Уже приготовленные компоненты получал по заданию.

— Значит, в комнате бывали, — сказала Инга.

— Проходил. Вы сейчас это запишете — и опять всё к банке сведётся.

Она повернула к нему лист.

— Вот: проход с тележкой. Вот: дозирование не выполнял, с ваших слов. Это разные строки.

Дамир прочёл, провёл пальцем по маршруту.

— Тут после замеса ещё остатки с края собираем. И стол подпыливаем. Вы пропустили.

Инга дописала.

— Часто?

— По тесту. Одно липнет, другое не надо. Я вам «три раза» скажу, а завтра пять будет. Вы лучше посмотрите обычную смену.

— Договоримся, какие операции наблюдать. Ничего добавлять ради нас не надо.

— Да у нас и без вас хватает.

Он открутил крышку и выпил почти половину воды.

О своих симптомах Дамир говорил менее охотно, чем о работе. Нос начинал течь ещё до кашля; после некоторых ночей в груди свистело, особенно когда ложился. Он считал это мукой и не видел смысла в других предположениях.

— До нынешней упаковки такое было?

— Зимой. Я тогда после смены в поликлинику ходил. В телефоне есть.

Он нашёл электронную выписку и повернул экран. В февральской записи были жалобы на кашель и затруднённое дыхание, назначения и рекомендация обследоваться. Самих результатов исследования дыхания в документе не оказалось.

— Выполнили? — спросила Инга.

— Один раз ходил. Потом надо было ещё. Смена не сошлась, не пошёл.

— Лекарством сейчас пользуетесь?

Дамир ответил. Инга уточнила частоту, ночные пробуждения, приступы вне работы и состояние в выходные. Он перестал качать ногой, когда вопросы дошли до того, как добирается домой: на остановке иногда приходилось сидеть дольше, пропуская автобус, хотя от проходной было недалеко.

— Сейчас одышка есть?

— Сейчас нет.

— Если появится, не ждите нашей следующей встречи. Медицинский приём организуем отдельно от обхода.

Он вытащил из кармана салфетку, развернул, но пользоваться не стал.

— Вы скажете, что мука тоже опасна, или только что у меня ещё не доказано?

— Мучную пыль нужно снижать независимо от вашего окончательного диагноза. Вашу причину будем устанавливать отдельно.

— Просто раньше всегда было: у всех мука, а кашляешь ты.

Инга на секунду задержала ручку. Она слышала похожую фразу на разных производствах, но не стала сообщать ему об этом.

— В общий отчёт ваши жалобы с фамилией не пойдут. В плане обследования мучные операции будут. Хотите, покажу, что передам Павлу?

Дамир кивнул.

Они составили короткое описание задач без медицинских подробностей. Он разрешил использовать его маршрут, поправил название места подачи и вычеркнул «уборка участка».

— Не всего. Возле своего замеса. За остальных не знаю.

Когда Павел заглянул в комнату, Инга уже убрала медицинские листы. Дамир остался ещё на несколько минут, чтобы самому показать схему.

— Вот здесь вы стояли утром, — сказал он. — А когда подаём, лицо дальше. Со стороны прохода вам чисто.

Павел придвинул стул.

— Тогда эту точку отдельно проверим. И условия подачи.

— Не только у весов?

— Не только.

Дамир забрал бутылку. Перед уходом он спросил, где будет приём и можно ли получить время сообщением, а не звонком после ночной. Инга записала просьбу. Он не сказал, что теперь доверяет им. Но описание своей работы оставил.

* * *

В технологическом кабинете Елена слушала по телефону, сколько хлеба вернулось из магазинов. Перед ней лежали два листа: на одном заказы, на другом — фактическая отгрузка. Она поставила минус возле позиции, которую накануне сняли, и переспросила:

— Это остаток старой поставки или сегодняшняя машина привезла? Посмотрите дату. Я подожду.

Инга осталась у двери. В помещении пахло нагретым принтером и яблоками. На полке стояла чашка с ложкой, прилипшей к засохшему сахару.

Елена закончила разговор и потёрла переносицу.

— По новой добавке поставщик ответ готовит. Я попросила поднять старое наименование тоже.

— Дату первой выдачи нынешней мы получили.

— В марте. Всё время к ней возвращаются. Я уже сказала: прежнюю вместо неё не ставим.

— Это правильно. Есть подтверждённые обращения с дыхательными жалобами раньше марта.

Елена опустила руку.

— У Веры?

— Сейчас я говорю о выводе для производственной проверки. Личные медицинские сведения мы отдельно не согласовывали.

— Поняла. Значит, новая упаковка не начало.

— Не начало всех жалоб. Она могла совпасть с ухудшением, но одной этой датой мы историю не объясним.

Елена закрыла лист возвратов. Некоторое время искала что-то в шкафу, потом вынула широкую папку с пластиковым корешком.

— Я закрытую подачу предлагала давно. Не после вашего приезда.

На обложке было название проекта, внутри — схема размещения и расчёт затрат. Елена положила перед Ингой титульный лист, затем смету. Дата относилась к прошлой весне.

— Вот получение. И ответ по стоимости. Можно проверить переписку.

— Проверим. А как работали, пока проект не сделали?

— Оборудование надо было заказывать. Потом монтаж, остановка. У нас нельзя просто купить дозатор и поставить между столом и дверью.

— Я не про то, почему не купили. Какой порядок действовал вместо него?

Елена сдвинула смету так, что край лёг поверх схемы.

— Ручная подготовка. Вы видели. Полный комплект соберу, здесь проект, не рабочие инструкции.

— Нужны и инструкции, и изменения к ним. С датами действия.

— Я поняла.

В коридоре показалась Зинаида с закрытым пищевым контейнером.

— Вы ели сегодня?

— Ела, мама.

— Я не тебя спрашиваю. Инга Николаевна?

Инга только сейчас почувствовала голод. В больнице она выпила кофе, а потом поехала сюда.

— Пока нет.

— Тогда в комнате оставлю. Не здесь, на бумагах. Лена, ты ей ключ дай, там теперь закрыто.

Зинаида не задержалась. Елена достала ключ из ящика, положила возле Ингиной сумки.

— Она правда помнит, кто когда ел.

— Я заметила.

Инга вернулась к перечню материалов. Ей не хотелось, чтобы этот разговор закончился благодарностью за обед вместо ответа о действовавшем порядке.

Елена открыла каталог на компьютере. В папке с инструктажами оказались таблицы, фотографии маркировки, короткие видеозаписи. Она прокрутила список и остановилась.

— Есть обучение на рецептурном посту. Для смены снимали, ещё зимой. Вам пригодится?

На значке файла виднелись стол и край рабочей куртки. Елена потянулась к кнопке воспроизведения.

— Сейчас целиком не будем, — сказал вошедший Павел. — Сначала откуда файл и какая это версия.

— На рабочий телефон снимали. Потом отправляли сменным. Здесь копия с компьютера технологической службы.

— Исходная отправка сохранилась?

Елена открыла переписку. Возле вложения стояла февральская дата; следом шло сообщение о передаче записи другой смене.

Павел попросил сохранить файл без пересылки через приложение, которое меняет качество, вместе с относящимися к нему сведениями. Нужно было установить автора, дату съёмки и рабочее событие, а не принять имя файла за доказательство. Елена внесла это в свой список. На экране остался неподвижный стол.

— Хоть людей заново не заставлять, — сказала она.

— Для этого и нужна существующая запись, — ответил Павел.

Инга взяла ключ от комнаты для еды. Рядом с ним лежал лист проекта закрытой подачи. Проект был настоящим; до действовавшего порядка они ещё не дошли.

Уже в коридоре Елена догнала её.

— Галина разрешила дать номер. Я ей передала ваше предложение, как договорились. Медицинского ничего не спрашивала. Она сказала, звонить сегодня после четырёх.

До четырёх оставалось десять минут. Инга села за стол в пустой комнате, открыла контейнер. Внутри были гречка и кусок рыбы, отдельно — огурец, завёрнутый в салфетку. Она поела, не читая рабочие сообщения, потом убрала посуду и набрала номер.

Галина ответила не сразу.

— Это врач?

— Инга Мельникова. Вам удобно сейчас?

— Пять минут есть. Вы меня на пекарню хотите вызвать?

— Нет. Можем встретиться вне предприятия, где вам удобно.

— И Зинаиды не будет?

— Если вы её не пригласите, не будет.

На другом конце что-то поставили на твёрдую поверхность.

— Тогда можно. Только завтра не утром. У меня свои дела.

Они выбрали время. Галина спросила, какие бумаги взять, и Инга перечислила лишь те, что уже были у неё на руках: назначения, результаты, выписки. Получение остальных обсудят при встрече.

В технологическом кабинете Павел ещё сверял перечень файлов. Инга внесла встречу с Галиной в медицинский календарь, отдельно от просмотра записи обучения. Женщина не возвращалась на пекарню даже для разговора.

На столе остался выданный Еленой ключ. Инга отнесла его обратно прежде, чем уйти.

Глава 5. Место в городе

Автобус прошёл остановку, к которой Лариса приглядывалась по карте, и свернул за длинный забор. Она уже поднялась, но снова села. На экране телефона синяя точка ехала сквозь серый прямоугольник склада.

— Следующая далеко? — спросила она у женщины напротив.

— Вам к хлебным?

— К экспедиции.

— Тогда следующая. От этой через двор нельзя, там ворота чужие.

Лариса поблагодарила. Вчера дорога на экране выглядела короче: от остановки — прямая линия, через двор — ещё одна. Теперь между ними стояли забор и закрытая проходная.

Она вышла без десяти восемь. От дома получилось пятьдесят три минуты с одной пересадкой и ещё семь пешком. Для предполагаемого начала работы в восемь — почти впритык. Сегодня второй автобус подошёл сразу; рассчитывать на это каждый день не стоило.

На обратной стороне распечатанного приглашения Лариса написала: «Раньше на один автобус». Ниже посчитала четыре поездки за рабочий день. Сумма за месяц вышла неприятная, но не такая, чтобы из-за неё сразу уйти. Надо было посмотреть проездной.

Экспедиция «Тёплого ряда» занимала часть невысокого складского здания в Екатеринбурге. В Крутоярск ездить не требовалось — это Лариса уточнила ещё при первом звонке. Здесь не месили тесто и не пекли хлеб. Принимали городские машины, сводили документы, отправляли обратно то, что возвращалось из магазинов. У грузовых ворот стояли стопки пластиковых лотков; пахло мокрым асфальтом и хлебом, уже остывшим в дороге.

Над служебной дверью был козырёк. Под ним ждала Инга, держа сумку на плече.

— Давно? — спросила Лариса.

— Минут пять.

— Я не опоздала. Но если работать, так ездить нельзя. Один автобус не придёт — и всё.

— На машине было бы быстрее, но тогда дорогу не проверили бы.

— На машине мне зарплату тоже не каждый день возить будут.

Инга улыбнулась. Лариса убрала телефон. Ей хотелось сказать, что место пока нравится, хотя она ещё не вошла. Не из-за здания — серый сайдинг, узкая дверь, урна с привязанной к ручке крышкой. Вчера женщина по телефону сказала: «Мы вас ждём к восьми, я начало смены освобожу». Не «если сможете», не «вам, наверное, тяжело». Просто ждём.

Потом Лариса поймала себя на том, что уже старается прийти достойной этого ожидания.

— Я сначала хочу понять, — сказала она, — тут действительно отдельная комната? Или стол в углу склада и перегородка для названия?

— Посмотрим. И ещё, Лариса: после прежнего места я бы не торопилась принимать приглашение, в котором так много держится на личном…

Инга замолчала.

— На личном что?

— Обещании помочь.

— А помещение вы уже видели?

— Нет.

— И всю работу не знаете?

— Пока только короткое описание.

Лариса поправила ремень сумки. Не хотелось с утра ссориться с человеком, который приехал по её просьбе. Но выслушивать ещё одно осторожное объяснение, почему лучше ничего не начинать, она тоже не собиралась.

— Я не прошу сказать, хорошие они или нет. Мне Елена по телефону нормально объяснила. Теперь хочу увидеть, что тут делать. Если вы заранее против, я всё равно посмотрю.

Инга перевела взгляд с неё на дверь, потом снова посмотрела в лицо.

— Я поспешила. Сначала вся задача. Моё заключение будет о том, что смогу оценить, а не о том, стоит ли вам доверять этим людям.

— И не про то, надо ли мне вообще работать.

— Не про это.

Изнутри щёлкнул замок. Женщина в тёмных брюках и светлой рубашке придержала дверь.

— Лариса Веденеева? Проходите. Я руководитель экспедиции. У нас с утра уже две машины пришли, как раз есть что показать.

Она произнесла фамилию без вопросительной паузы, как будто Лариса была внесена в обычный рабочий список. Это понравилось ещё больше.

* * *

Комната действительно была отдельной. Дверь выходила в короткий коридор, не в зону разгрузки; до туалета и умывальника можно было пройти, не обходя лотки. В окне виднелись берёза и торец соседнего здания. На подоконнике стояла чужая кружка с ложкой.

— Кружку заберут, — сказала руководительница. — Здесь пока садится диспетчер, когда в основной комнате звонки мешают.

— Мне кружка не мешает. Диспетчер будет продолжать садиться?

— Если место займём вами — нет.

Стол был обычный, с выдвижной полкой под клавиатуру. Лариса села, придвинула стул, попробовала посмотреть на экран, не наклоняясь. Нижний край монитора закрывал часть окна, зато свет не бил в глаза. Справа лежали несколько листов в прозрачных карманах и считыватель кодов.

Инга не стала сразу передвигать вещи. Спросила, какое оборудование останется, что придётся брать с полок, сколько времени предполагается работать за экраном.

— Мы обсуждали шесть часов, с восьми до двух, пять дней, — ответила руководительница. — Субботу отдельно, если человеку нужна подработка.

— Мне пока не нужна, — сказала Лариса.

— Значит, без субботы. Только это ещё кадровики оформлять будут.

— А деньги за эти шесть часов?

— В предварительном предложении тридцать две тысячи в месяц до удержаний. Без расчёта на подработки. Я вам лист покажу. Окончательно — в договоре.

Сумму Лариса помнила. Ей важно было услышать её здесь, рядом со столом, а не только от Елены, которая находилась за семьдесят километров и могла иначе понимать местную работу.

— Обучение в эти часы входит?

— Да. У нас программа несложная, но сразу одну не оставим.

— Кто не оставит?

Руководительница чуть задержалась с ответом, затем кивнула в сторону коридора.

— Диспетчер будет показывать. Первые дни я рядом. Фамилии и дни тоже напишем.

Вошла сотрудница с тонкой стопкой бумаг. На верхнем листе была синяя отметка магазина.

— По двенадцатой точке опять не сходится.

— Хорошо, давайте на этом покажем, — сказала руководительница и повернулась к Ларисе. — Можно? Без клиентских цен, они вам для учёта тары не нужны.

Лариса согласилась. Сотрудница закрыла соседние строки чистым листом. В документе возврата значилось восемнадцать лотков. В отметке приёмки — шестнадцать.

— Что я здесь должна сделать? — спросила Лариса.

— Найти рейс, сверить дату, магазин, машину. Количество из документа и принятое количество заносятся отдельно. Если разница — поставить признак расхождения. Не исправлять одно под другое.

— А шестнадцать кто посчитал?

— Приёмщик.

— Он расписывается?

Сотрудница указала нижнюю строку.

— Вот. Время и его отметка. Два лотка водитель, возможно, оставил на предыдущей точке. Сейчас уточняем.

— Возможно — это пока не пишем? — спросила Лариса.

— В причине нет. В примечании можно: «Уточняется у водителя».

Лариса повернула лист. Строки были тесные, но понятные. Даты и номера она любила сверять: в них хотя бы можно было вернуться к началу и найти место, где перестало сходиться.

— Покажите, где на экране это будет. Только вы сами сделайте, я пока посмотрю.

Сотрудница села за соседний край стола, открыла учебную копию формы. Ввела номер рейса, затем оба количества. Возле разницы загорелось жёлтое поле.

— И оно так остаётся, пока не разберутся?

— Да.

— А если к двум часам не разберутся?

— Передаёте незакрытый случай следующему.

— Кому?

— Пока мне, — сказала руководительница. — Постоянное замещение нужно прописать, вы правы.

Лариса не ожидала, что можно столько раз задавать почти один вопрос и не услышать раздражённого «на месте разберётесь». Она расслабилась, подвинула к себе чистый лист и записала последовательность: документ, приёмка, расхождение, подтверждение. Потом зачеркнула последнее слово и поставила «ответ». Подтвердить могли не всё.

Из коридора донёсся стук пластика. Дверь открылась, мужчина в рабочей одежде спросил, можно ли пока оставить возвратную тару у вторых ворот: первая зона занята. Руководительница вышла с ним. Лариса осталась за столом с Ингой и сотрудницей.

— Много таких несовпадений?

— По-разному. Бывает, всю смену спокойно. А бывает, машина привезла за три дня, магазины всё в одну бумагу вписали. Тогда сидишь и раскладываешь.

— Бумаги?

— Бумаги. Лотки я не раскладываю.

— А сканер зачем?

— Где код есть — считываем. Но часть документов всё равно руками вводить. И звонки будут. Водителю, приёмщику, иногда в магазин.

Лариса подняла трубку настольного телефона, положила обратно.

— Гарнитуру можно?

— Можно попросить. Я своей пользуюсь.

Инга записала что-то в блокнот.

Когда руководительница вернулась, они пошли смотреть приёмку. У двери Ларисе выдали жилет и показали, где остановиться, чтобы не оказаться на пути тележки. Она не стала подходить ближе ради хорошего обзора. Отсюда и так было видно, как работник отделял треснувшие лотки от целых, а другой считал стопку и делал отметку.

На одном лотке засохло тесто. Работник повернул его, посмотрел внутрь и отставил отдельно. Рядом лежала пачка магазинных бумаг, прижатая металлической скобой.

— Значит, я получаю уже эти записи, — сказала Лариса. — Сюда за количеством не хожу?

— Обычно нет. Приёмщик передаёт, диспетчер приносит документы.

— А не обычно?

Руководительница посмотрела на неё.

— Если сомнение, можно выйти уточнить. Но пересчитывать всю машину вам не нужно.

— А вот такие отбирать? Треснутые, грязные?

— Это приёмка. У вас учёт. Хотя в перегруженный день у нас при необходимости все помогают.

Лариса уже кивнула и только потом почувствовала, что именно этим кивком сейчас можно закончить весь осмотр.

Слова были совершенно обыкновенные. Их мог сказать любой человек, у которого машины стоят, водитель ждёт, а сотрудник заболел. Не угроза, не попытка обмануть. Ей самой было неловко представить: она сидит за столом, остальные не успевают, и кто-то просит всего на несколько минут выйти.

— Ну, если помочь позвонить или бумагу найти, это понятно, — сказала она.

— Конечно. Мы же не собираемся вас грузить.

Вроде бы можно было оставить так. Лариса посмотрела на стопку лотков. Верхний сидел криво; работник нажал на край, вытянул его из соседнего и поставил отдельно. Простое движение, которое из кабинета вообще не видно.

— Я не только про грузить, — сказала она. — Кто разберёт тару, если приёмщик один остался?

— Есть второй по смене.

— Если его нет?

— Тогда я распределяю по обстановке.

Лариса подождала. Руководительница тоже молчала.

— Я хочу это место, — сказала Лариса. — Поэтому мне лучше сейчас спросить. Если по обстановке этой работой окажусь я, у нас другое предложение получается.

Женщина сняла очки, протёрла край стекла подолом рубашки и снова надела.

— Я вам не обещала ручную сортировку.

— И я её не обещала.

Инга стояла рядом, но не вступала.

— Хорошо, — сказала руководительница. — Давайте включим прямое исключение. Только замещение я сейчас с ходу не назову. В обычной смене люди есть, а на отсутствие отдельного человека пока порядок общий.

— Тогда не называйте с ходу.

Лариса почувствовала, как жарко стало под жилетом. Ей казалось, что она сказала слишком резко, хотя голос оставался обычным. Она расстегнула верхнюю липучку и посмотрела на женщину.

— Я не ухожу. Мне надо получить описание целиком.

— Давайте вернёмся в кабинет.

Там руководительница открыла предварительное предложение. На первой странице значились учёт возвратной тары, сверка сопроводительных документов и взаимодействие с приёмкой. Ниже — «выполнение иных поручений руководителя в рамках трудовой функции».

— Вот в этих рамках мы и должны разобраться, — сказала Лариса.

— Да. Согласна.

Она распечатала имеющийся лист и от руки отметила вопросы, которые требовали ответа. Лариса попросила включить не только отсутствие ручной сортировки, но и порядок

передачи незакрытых случаев к концу её времени. Ещё — обучение, перерывы, место отдыха и то, к кому обращаться, если новое задание не совпадёт с согласованным.

— Ограничения по здоровью нам всё равно понадобятся, — сказала руководительница.

— Необходимые — да. Я с лечащим специалистом обсужу, что сюда передать. Всю карту не принесу.

— Нам её никто и не присылал. Из сети был ваш контакт и согласие поговорить о вакансии.

Лариса кивнула. Это совпадало с тем, на что она соглашалась.

Инга закрыла блокнот.

— Сегодня мы посмотрели помещение и часть задачи. Медицинского решения по этому месту пока нет. Описание нужно дополнить, затем сопоставить с актуальными рекомендациями вашего специалиста.

— Поняла, — сказала Лариса. — Сегодня ничего не пробую руками.

— Мы и не планировали, — ответила руководительница.

У двери она спросила, можно ли считать, что Лариса заинтересована.

— Можно. Что согласилась выйти — пока нельзя.

— Тогда пришлите вопросы одним письмом. Я передам в кадры и Елене, а по нашим людям сама уточню.

Лариса сняла жилет, повесила на крючок рядом с другими. Её место у стола пока оставалось занято чужой кружкой. Это почему-то не разочаровало: было время разобраться, прежде чем освобождать его для неё.

* * *

На обратном пути они с Ингой дошли до остановки вместе. Автобус только что ушёл; на табло стояло двенадцать минут.

— Вам обратно в Крутоярск? — спросила Лариса.

— Позже. Сейчас в центр.

— Я Софье позвоню сама. Мы договаривались после осмотра.

— Хорошо. Мои наблюдения передам вам в согласованном объёме.

Инга не спросила, какое решение Лариса склоняется принять. Постояла ещё немного, проверила время и попрощалась.

Лариса села на край скамейки. Солнце добралось до металлической спинки; прислоняться было горячо. Она вынула лист предложения и увидела внизу собственную пометку: «Кто, если нет второго?» Без контекста выглядело как вопрос про автобус.

Софья ответила в назначенное окно. Лариса рассказала сначала про комнату и документы, потом про тару.

— Они не сказали, что я обязана. Я не хочу, чтобы в письме получилось, будто меня уже заставляли.

— Не получится. Напишем, какой вопрос остался без ответа.

— И место мне нравится.

— Это тоже можно оставить. Заинтересованы, просите уточнить условия до решения.

— Вы мне текст дадите?

— Я проверю ваш. Не надо составлять юридическое сочинение. Перечислите, чего не хватает.

Лариса подвинулась в тень.

— Тогда вечером пришлю. И ещё по старым деньгам. Мне опять от АНО сообщение: «У вас поступление есть». Я знаю, что есть. У меня в выписке всё тот же «возврат».

Софья попросила открыть её последнее письмо, чтобы они смотрели одну и ту же запись.

— Двадцать четыре тысячи учитываем как полученный частичный платёж. Остаток не закрыт. Подтверждение поступления направлено приставу вместе с нашим пояснением. Окончательную проверку учёта ещё не завершили.

— Мне эти деньги не трогать, пока они название исправляют?

— Из-за ошибочного назначения замораживать их у себя не нужно. Мы сохраняем выписку и переписку. От АНО требуется уточнение, к какому обязательству относится платёж. Их короткое сообщение полного исполнения не подтверждает.

— Я часть уже потратила.

— Это не меняет размер непогашенного остатка.

Лариса посмотрела на верхнюю строку вакансии.

— Значит, новое отдельно. Даже если устроюсь.

— Конечно. Зарплата экспедиции не погашает долг прежней организации.

— Я понимаю. Просто хочу, чтобы нигде не появилось: теперь у неё работа есть, можно подождать.

— От вашего имени такого не будет.

Подошёл автобус. Лариса попросила закончить разговор: заходить с телефоном у уха и раскрытой папкой было неудобно. Софья успела назвать срок следующей проверки старого взыскания. Лариса повторила дату и убрала бумаги.

Обратно дорога заняла больше часа. Пересадку пришлось ждать, зато из окна было видно короткий пешеходный проход от другой остановки. На карте она нашла его уже дома, проверила, не упирается ли он в те же чужие ворота, и сохранила второй вариант маршрута.

После обеда села за письмо. Сначала написала длинно: что благодарна за внимание, понимает сложности работы, не хочет никого подводить. Прочла и удалила половину. Оставила, что заинтересована в вакансии и просит дополнить описание: режим, оплату, обучение, смежные ручные действия, замещение отсутствующих работников и порядок изменения задания.

Софья вернула две небольшие правки. В одной уточнила, что речь идёт именно о предложенном шестичасовом режиме; в другой убрала фразу, которую можно было прочесть как заранее данное согласие на любые дополнительные обязанности после обучения. Больше текст не меняла.

Лариса отправила письмо сама.

К вечеру руководительница подтвердила получение. По режиму и оплате обещала прислать согласованный проект, по замещению написала: «Нужно уточнить распределение при неполной смене». Фамилии человека, который в таком случае будет разбирать тару, в ответе не было.

Лариса сохранила его. В домашнем расчёте двадцать четыре тысячи уже стояли в поступлениях; рядом были расходы, которые из них оплатила. Предполагаемую зарплату она записала ниже карандашом, не прибавляя к остатку на счёте. Вычла из неё возможную дорогу, посмотрела на результат и закрыла тетрадь.

На кухне оставалась небольшая кастрюля гречки. Лариса достала контейнер, переложила часть на завтра. Если работать с восьми до двух, одним утренним чаем не обойдёшься. Контейнер оказался слишком широким для сумки; она попробовала поставить его боком, потом убрала обратно в шкаф и взяла меньший.

Вакансия ещё не была её работой. Но дорогу она теперь знала, вопросы отправила, а обед можно было взять с собой и по собственным делам. Лариса защёлкнула крышку и поставила контейнер в холодильник.

Глава 6. Та, которая ушла

— Не разувайтесь пока. Я тут намыла, ещё скользко.

Галина стояла в конце прихожей с пустым тазом. На ногах у неё были старые сандалии с застёжками, на плече — полотенце. Она поставила таз в ванную, вернулась и ногой расправила сухую дорожку от двери.

— Теперь можно. Тапки справа, которые без меха.

Инга приехала к шести, как договорились. Во дворе пятиэтажки сушили половики; между деревьями висели длинные полосатые полотнища, и под одним пришлось пригнуться. Июльский зной за день успел нагреть лестницу, перила были тёплыми даже на третьем этаже.

— Вы после уборки? — спросила она.

— После стирки. Пол — это уже последствия. Я же сказала, утром занята.

Галина провела её на кухню. У окна стоял складной стол, под ним сохли вымытые банки. На плите стояла кастрюля; крышку подперли ложкой, чтобы не стучала. Медицинские бумаги лежали на табурете в пакете из аптеки.

Галина села, но пакет не взяла.

— Сначала вот что. Кто вам за меня платит?

Инга поставила сумку возле стула.

— Первый этап обследования организован по договору с пекарней. Для медицинских посещений отдельно согласуем клинику, объём и оплату. Сегодня вы ничего не оплачиваете.

— А Зинаиде потом что дадут?

— Вашу карту и содержание разговора — нет.

— Вообще ничего?

— Если понадобится официальное уведомление или заключение для работодателя, его направят по установленному порядку. Я заранее объясню, что именно. Это не запись нашей беседы.

Галина посмотрела на сумку.

— Вы записываете?

— Письменно. Диктофон не включён.

— Тогда доставайте.

Инга вынула блокнот и ручку. Телефон оставила в сумке.

— Елена сказала: поговорите, вдруг вам ещё можно помочь. А у них «помочь» — это иногда снова выйти.

— Обследование не требует возвращения.

— Ни на полсмены, ни посмотреть, как молодые делают. Я не пойду.

— Поняла.

Галина потянулась к аптечному пакету, потом убрала руку.

— Вы легко согласились.

— Вы не просили подобрать вам работу на пекарне.

— Не просила.

За открытым окном хлопнуло мокрое бельё. Галина повернулась на звук и посмотрела вниз, хотя её окна выходили не на те верёвки.

— Ещё я не хочу, чтобы про меня рассказывали. Ни как я вовремя ушла, ни как Матвеевна всех лечит. Уже передали: Галя уволилась — и здорова. Можно спросить, почему она тогда сегодня в аптеку ходила.

— Где вы это услышали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.